

Г. Г. ШАПОВАЛОВА

САТИРА И ЮМОР В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ¹

Сатира в пословицах и поговорках² русского народа — тема еще совсем не разработанная. До сих пор единственной специальной работой на эту тему остается статья — скорее даже заметка — И. М. Снегирева «Сатирические русские пословицы и поговорки», напечатанная в 1830 году.³ В соответствии с общим охранительно-националистическим характером своей деятельности Снегирев совершенно игнорирует пословицы, направленные против эксплуататорских социальных групп, а также против недостатков народного быта и людских характеров. Он говорит только о пословицах и прозвищах, высмеивающих жителей тех или иных мест и представителей других народов.

При всем многообразии пословиц и поговорок по содержанию их можно условно разбить на два рода: к первому относятся пословицы, которые утверждают положительные идеалы народа, раскрывают его духовный мир, закрепляют трудовой опыт, заключают полезный совет, например: «Не надобен и клад, когда в семье лад», «Не то дорого, что красного золота, а то дорого, что доброго мастера», «Делу время, потехе час» и т. п. Ко второму роду относятся пословицы, отвергающие то, что враждебно народному сознанию, осуждающие те или иные социальные явления, человеческие поступки и свойства. Это — сатирические пословицы. Сатирические пословицы создавались в различные эпохи, но многие из них прожили века и бытуют еще в наши дни. Сквозь своеобразную форму сатирических пословиц и поговорок проступают отрицательные черты действительности в своих наиболее острых проявлениях.

Для передовой народной сатиры XVII—XIX веков основной темой была социальная борьба. Народные сатирические произведения этого пе-

¹ В статье принятые следующие сокращения:

Онч. — Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908.

Соб. — А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, тт. I—VII. СПб., 1895—1902.

Указывается порядковый номер сказки или песни в сборнике.

² При работе над статьей были использованы: «Сбор разных пословиц и поговорок» в книге: Н. Г. Курганов, Российская универсальная грамматика... Издано во граде Святого Петра 1769 года; Собрание 4291 древних Российских пословиц. Печатана при Императорском Московском университете. 1770 года; И. М. Снегирев. Новый сборник русских пословиц и притчей. М., 1848; И. М. Снегирев. Русские в своих пословицах. М., 1831—1834; В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1862; В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1861—1868; П. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899; И. И. Иллюстров. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, 1904, и многие другие. Так же использованы рукописные сборники XVII—XIX веков, хранящиеся в ГПБ, БАН, ГГО.

³ «Московский вестник», 1830, ч. IV, стр. 295—309.

риода помогали народу в борьбе, указывали народу его врагов, срывая с них маски. Сатира пословиц направлена как против общих явлений, так и конкретных носителей социального зла: бояр, помещиков, чиновников, попов. Именно эти социальные группы получили яркое освещение в народной сатире, причем каждая из них высмеивалась в народе по-разному.

Сатира была своеобразным способом самозащиты народа, оружием классовой борьбы, она оказывалась сильной только тогда, когда направлялась не на случайные, а на типические явления, тщательно отобранные народом, запечатлевшие его опыт.

Пословица лаконична, и в этом ее отличие от других жанров народно-поэтического творчества. Но специфика пословицы именно в том и заключается, что, располагая очень малым количеством слов, зачастую одной только фразой, она путем удачного сравнения, иносказания вскрывает самую сущность человеческого характера, явления, создает четкие и выразительные сатирические образы.

В силу своей лапидарности, которая не дает возможности говорить о ряде качеств отдельных героев, сатирическая пословица строит свой образ на одном каком-либо качестве, но на таком, какое для данного персонажа является характерным. Высмеивая каждая какую-либо одну черту, пословицы в целом создают многогранный образ того, кого народ хотел осмеять, выставить напоказ во всем его неприглядном виде.

В пословицах о господах (боярах, помещиках)⁴ смех и гнев слились в органическое единство.

Сатирический образ барина складывается из ряда пословиц, освещающих отдельные черты его характера и поведения. Намечается как бы несколько линий, по которым шло создание сатирических пословиц о господах.

Одна группа пословиц говорит о самой основе взаимоотношений господ и народа. В этих пословицах и поговорках слышится осознание народом своей силы, раскрывается народный взгляд на взаимоотношения господ и крестьян: «Не будет лапотника, не станет и бархатника», «Ты барин, да и я не татарин», «Али моя плешь наковальня, что каждый в нее бьет», «Господа наши, воля ваша, спина наша, хоть дрова на нас возите, да не по многу кладите», «Мы и на том свете будем господам служить: они будут в котле кипеть, а мы — дрова подкладывать», «Хвали рожь в стогу, а барина в гробу».

Другая группа пословиц раскрывает свойства господ в их отношении к народу. В этих пословицах критике и осмеянию подвергаются вероломство, жестокость господ, стремление к максимальной эксплуатации народа: «Господское прощенье хуже разбоя», «Барская ласка до порога», «Барская милость — кисельная сътость», «Барская милость — божья роса» (т. е. не прочна — до восхода солнца), «В барский (по другим вариантам — боярский) двор ворота широки, а назад узки» (т. е. заманивая к себе, боярин или барин обещает много, а как попал в зависимость, запутался в долгах, так уж и не выскочишь), «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат», «Охота, боярский двор: стоя дремлют, сидя спят, походя едят, ножки болят, а сесть не велят», «Неволя, неволя боярский двор: походя поешь, стоя выспишься», «Барский двор хуже петли».

К третьей группе следует отнести пословицы, раскрывающие свойства господ как таковых, самих по себе. Здесь сатирическое жало пословиц на-

⁴ Пословицы о боярах и барах-господах даются в статье не дифференцированно, так как направленность их одинакова, да и сам термин «боярин» вышел далеко за пределы XVII века и продолжал жить применительно к барину, помещику.

правлено на изнеженность господ, лень, презрение к труду, спесь. Например, широко известна пословица «Барская кровь и в Петровки мерзнет» (Петровки — конец июня — самое жаркое время). Пословичный образ создает представление о хилом, тщедушном, изнеженном человеке, всегда вызывавшем презрительное отношение трудового народа. Не менее показательны в этом плане и такие пословицы: «Угорела барыня в нетопленой бане», «Раздень меня, разуй меня, уложи меня, покрой меня, переверни меня, — а там поди, усну я сам», «Барская еда — два грибка на тарелочке», «Барский суп только пучит пуп», «Барин-татарин, кошку ожарил»,⁵ «Дворянский сын и гляденьем сыт».

Остро высмеивалась народом барская спесь, особенно ярко выступившая при разорении дворянства: «Слуги в шелках, а баре в долгах», «Дворянский сын, что ногайский конь: умирает, а ногой дрягает», т. е. норовист (сравнение с ногайским конем здесь оправдано тем, что ногайские кони не рабочие, а предназначенные для верховой езды), «Сени лубяные, собаки борзые, хоромы кривые, а без индийского петуха не барин». Народ смеялся над разорившимися и обнищавшими господами, которые все еще продолжали барствовать: «Пропали наши головы за боярами голыми», «Голь голянский сын дворянский».

Пословицы о барах создавались на протяжении длительного времени. Одни относятся к периоду укрепления и расцвета феодального государства, когда барин был полновластным хозяином крестьянина, другие — к периоду упадка дворянства. Соответственно этому можно отметить и своеобразие художественных приемов в создании образа барина-господина. Сатира в пословицах первого рода пронизана гневом, в ней отчетливо осознается вековая ненависть народа к своим поработителям.

С барской жестокостью, глупостью, самодурством народ непрестанно сталкивался в жизни, об этом он ярко и пространно рассказывал в сказках и песнях. Но пословица — это вывод, сделанный на основе долгих и глубоких наблюдений. Этот вывод супров. Он направлен против всего класса помещиков. Эти пословицы не вызывают непосредственного смеха, хотя и содержат смелое обличение, — сатира в них переходит в область критических оценок поведения и поступков господ. Сатирическое отношение к изображаемому создается тем, что в пословице выдерживается внешняя серьезность, благовидность сравнения при уничтожающем, обличительном его смысле. Внешне барин как бы остается на своем высоком пьедестале — например, когда барская милость сравнивается с божьей росой, с сытостью. И вместе с тем сами понятия росы и кисельной сытости раскрывают истинную сущность этой «милости».

В ряде сатирических пословиц данной группы народ как бы признает право господ на жестокую эксплуатацию масс, как бы подчиняется положению, при котором барин может и приказать, и наказать. Такова обычно формула первой части пословицы. Но вторая часть пословицы содержит смысл, противоположный первому: «Господа наши — воля ваша, спина наша...», «Мы и на том свете господам будем служить: они будут в котле кипеть, а мы — дрова подкладывать». Противопоставлением этих двух частей и создается яркий сатирический пословичный образ. За этими пословицами так и видится лицо пожилого крестьянина, внешне покорное и спокойное, в глазах которого, однако, светятся издевка, задор, сила. Некоторые пословицы пользуются и прямым сравнением, причем обычно сравне-

⁵ Насмешка над господами, которые употребляют пищу, неприемлемую для крестьян, например: жареный заяц, устрицы и т. п.

ние дается с усилением обличительного его смысла. Например: «Барский двор — хуже петли», «Барское прощенье — хуже разбоя» и т. д.

Таковы пословицы о господах, возникшие, очевидно, в период, когда народ их ненавидел, но боялся. Иное дело пословицы, относящиеся к разорившемуся дворянству, к господам, потерявшим свою прежнюю силу. Здесь уже звучит явная, открытая издевка, дается комическая оценка самого барина: «Бара — грош пара», «Наше барство — хуже пономарства». Народ высмеивает привычки господ — «Барская еда — два грибка на тарелочке», пародирует приказания — «Раздень меня, разуй меня, уложи меня...» и т. д.

Сатирические пословицы и поговорки о барах идут в одном русле со всей народной сатирической поэзией. В пословицах, в песнях, в сказках о господах высмеиваются одни и те же черты: перед слушателем возникает образ жестокого, глупого барина, лежебоки, спесивого и развратного. В сатирической «Комаринской»,⁶ сложенной «Комарицкой волости мужиками», еще до восстания Болотникова начавшими борьбу со своим «барином» — Борисом Годуновым, говорится, что «комаринский мужик не хотел своему барину служить». В песне, опубликованной Киреевским,⁷ народ открыто потешается над своими обищавшими господами:

Пропали наши головы
За боярами голыми,
За бурмистрами разбойниками,
За прикащечками мошенничками.

Не менее характерна и песня «Ай во саду-саду люблю садовую...» (Соб., VII, 76). Девушка так объясняет матери, почему она не хочет идти замуж за барина:

Боярин-то, матушка, — собачий охотник,
Много собак держит; собаки борзые,
Собаки борзые, лакеи босые...
Что боярин воевать, а я горе горевать.
Что боярин во Москву, а я кинуся в тоску.

Резко высмеивается в песнях разврат господ, как тайный, так и явный. В песне «На горе-горе, на высокой горе» рассказывается, как «барышня» прижила с кем-то ребенка и старается грех переложить на конюха, подкупить его и его жену.

Ах, сказать ли мне на Сеньку-конюха!
И я Сенюшке полтину, а жене его холстину,
Он умеет, как сказать и концы склонить!
(Песенник 1780 года, ч. IV, стр. 151).

В сказках барин показан неимоверно глупым и беспомощным.⁸ Так, в сказке «Барин и мужик» рассказывается, как мужик за обиду, нанесенную ему барином, дает слово трижды его поколотить и выполняет свое обещание, трижды обманывая барина. Вся сказка строится на том, что «мужик барина знает, а барин мужика не знает»,⁹ что у мужика тонкая

⁶ Г. М. Пясецкий. Исторические очерки города Севска и его уезда. Сборник Орловского церковно-историко-археологического общества, т. II, Орел, 1906, стр. 22.

⁷ П. В. Киреевский. Песни. Новая серия, вып. II, ч. 2, М., 1929, № 2329.

⁸ См., например: Ю. М. Соколов. Барин и мужик. Сборник русских сказок. «Академия», М., 1932.

⁹ В. Н. Добровольский. Народно-поэтическое творчество Смоленской области. Смоленск. 1954. стр. 87.

сметка, он умнее, проворнее и находчивее барина, хотя и находится в полном подчинении у своего господина.

Не менее широко высмеивается в сказках и барская жадность. Вспомним хотя бы сказки «Чудесный бочонок» (Онч., 111), «Шут» (Онч., 131), «Бедный жених» (Онч., 157) и др., где показывается, как жадность руководит всеми поступками барина, заставляя его делать нелепости и преступления.¹⁰

Народная издевка над господами яркой струей вошла в древнерусскую литературу. В «Послании дворянина дворянину» и «Послании дворительном недругу», относящихся к XVII веку, к периоду крестьянских восстаний под руководством Ивана Болотникова, и сходных по стилю, — прямо рассказывается о суворой расправе мужиков со своим барином, причем рассказ ведется от лица самого барина:

А мужики, что ляхи, дважды приволокли к плахе.
За старые шашни хотели сбросить с башни.¹¹

В «Сказании о роскошном житии и веселии» социально заостренная сатира пародирует известный сюжет народной сказки о молочных реках в кисельных берегах, являясь на самом деле насмешкой автора над «дворянским поместицем», в котором за внешним благополучием и сказочным изобилием скрывается жестокая эксплуатация крестьян, нищета, разорение.

Едкая насмешка над господами нашла блестящее завершение в сказке Салтыкова-Щедрина «Как мужик двух генералов прокормил». В основу своей сказки Салтыков-Щедрин положил народную сатиру о глупом и не-приспособленном барине и довел ее до блестящего литературного сатирического гротеска.

Как видно из приведенных примеров, которые можно значительно увеличить, сатира пословицы питалась теми же явлениями, что и сатира других жанров. В ряде случаев само возникновение пословицы тесно связано со сказкой, песней и т. д. Отдельные строчки и выражения из песен и сказок, в которых наиболее ярко запечатлелся образ барина, оторвались от своего контекста и получили самостоятельное звучание, как например: «Сени криевые, собаки борзые...», «Пропали наши головы за боярами голыми...» Образ, более подробно очерченный в песне или сказке, получил предельно сжатое, лаконичное выражение, в соответствии со спецификой пословичного жанра.

К пословицам и поговоркам с остро сатирической тематикой относятся и пословицы и поговорки о чиновниках: о судьях (и о суде), дьяках, подьячих. Как известно по историческим документам и художественной литературе, в старом судопроизводстве огромную роль играла взятка. Взятка была как бы неотъемлемой частью чиновничьей службы. Вымогательством денег у народа занимались все, начиная со старосты и кончая высокими чиновниками.

Народ, жестоко страдавший от произвола чиновников, непомерных взяток и поборов, несправедливых решений в пользу богатого, обличал и вы-

¹⁰ О сатирическом образе барина в сказках см. статьи Н. В. Новикова и Е. Ф. Тарасенковой в настоящем сборнике.

¹¹ Н. К. Никольский. Рифмованное «Послание дворянина дворянину» XVII века. Библиографические заметки, 1892, № 4, стр. 1—2.

смеивал своих притеснителей в пословицах, поговорках, песнях, сказках. Меткие метафоры и сравнения, взятые из окружающего крестьянина быта, создавали яркие, хорошо запоминающиеся сатирические образы чиновников-взяточников. Так, например, судейский карман сравнивается с утиным зобом, который неразборчив к тому, что в него попадает, а чем больше в него попадает, тем он больше растягивается. Отсюда у птицы постоянное ощущение голода. Это сравнение закреплено пословицей: «Судейский карман, что утиный зоб: и корму не разбирает, и сытости не знает». Желая определить непомерное взяточничество судей, пословица прибегает к уже знакомому в народном творчестве образу попа, отмечающему ненасытную жадность попов (вспомним пословицу: «Поповское брюхо из семи овчин сшито»), — отсюда сравнение судейского кармана с поповским брюхом: «Судейский карман, что поповское брюхо».

В силу исторической ограниченности своего сознания народ чаще всего судил не о самой системе законодательства, о законах как проявлении государственных порядков, а видел и осуждал непосредственно самих чиновников и их действия: «Законы святы, да законники супостаты (крючковаты)», «Суд прямой, да судья кривой».

Образ чиновника-взяточника отражен и в других жанрах народной поэзии. В песне-сказке «Ворона-карабута» (о неправом суде птиц) рассказывается, как Ворона-карабута разграбила кукушkin дом. Кукушка пожаловалась царю-лебедю, учили розыск, но ворона была сметлива, она полетела ко вдове-солдатке и накупила пестряди¹² «на штаны да на рубахи» начальникам, да и раздарила, а когда она явилась на суд

Ко царю—белу лебедю,
К филину—губернатору,
К журавлю—прикащику.
Они судили да рядили,
Да на волю ворону и пустили.¹³

Тема пристрастного суда отражена и во многих других сказках, см., например: «Праведной суд»,¹⁴ «Христов крестник» (Онч., 119).

В древнерусской литературе раскрытие образа неправедного судьи дано в «Повести о Ерше-Ершовиче» и «Повести о Шемякином суде». Сюжеты этих повестей широко известны и в русской народной сказке.¹⁵

На горьком опыте народ убедился, что государев суд всегда на стороне богатого и сильного: «Закон, что паутина: муха увязнет, а шмель проскочит», «Из суда, что из пруда — сухим не выйдешь», «Богатому идти в суд трин-трава, а бедному — долой-голова».

К богатым относились не только помещики, но и буржуазия — купцы, кулаки. Купец, кулак, вышедшие из народа и разбогатевшие за счет его эксплуатации, уже не считались народом своими и также являлись объектами сатиры: «Сохрани бог от мора, от пожара, да от нашего брата, как угодит в бара». Богатый в представлении народа прежде всего хищник. Поэтому и сатирический образ богача строится прежде всего на сравнении с животными-хищниками — волком, щукой и др.: «Худо овцам, где волк

¹² Пестрядь — домотканый льняной материал.

¹³ Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. СПб., 1914, стр. 423.

¹⁴ И. В. Карнаухова. Сказки и предания Северного края. «Academia», 1934, № 153.

¹⁵ См., например: А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки. Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова, т. I, «Academia», 1936, №№ 77—80; т. III, Гослитиздат, Л., 1940, №№ 319, 320.

в пастухах», «Сделайся овцою, а волки готовы», «Не вступай собака в волчий след: оглянется — съест», «Простор богатому — как щуке в воде».

Бедняк на горьком опыте ощущал, что «Без денег человек худенек», что только наличие денег в классовом обществе дает права и голос человеку: «Хорош Мартын, коли есть алтын; худ Роман — коли пуст карман».

Сатирический образ богача в народных пословицах создается при помощи традиционной гиперболы: «У богатого и по бороде масло течет», «Одна рука в меду, другая в сахаре». То же мы видим и в метафорической форме поговорки «Как сыр в масле катается».

В пословицах и поговорках о богатых звучит ироническое отношение к авторитету богачей, так как народ отлично понимал: были бы деньги, а с ними придет и авторитет, и признание. «Тот мудрен, у кого карман ядрен», — говорит пословица; «Не мудра голова, да кубышка полна», «Купи поросенка за гроши, посади его в рожь, так и будет хорош».

Сатирическая пословица вскрывает и разоблачает темные пути, ведущие к богатству: «Пусти душу в ад — будешь богат», «Не отвернешь головы клячом¹⁶ — не будешь богачом» и др.

Ряд пословиц, очевидно по времени возникновения относящихся к периоду разложения феодализма, зло высмеивает господ и богачей, поднявшихся из социальных низов. Сатирический образ высокочки строится обычно на сопоставлении его прошлого и настоящего: «Доселева Макар гряды копал, а нынче Макар в воеводы попал», «Прежде Мокей был лакей, а нынче у Мокея два лакея», «Из грязи да в князя» и т. п. К этому же типу относятся и пословицы, высмеивающие стремление «тянуться» за барами и богачами, — стремление, часто не соразмеренное с материальными возможностями: «Хоть свади, да в том же стаде», «Тянулся за барами, да распрошался с амбарами».

Как и по другим темам народной сатиры, пословица формулировала и закрепляла типический образ богатого-хищника, всесторонне разработанный и в других жанрах народно-поэтического творчества.

Эта тема нашла свое отражение в сказках и прежде всего в широко распространенном сюжете о двух братьях. Героем в этих сказках, как правило, оказывается младший брат — бедняк. Как его богач ни притесняет, как ни обманывает, бедняк оказывается победителем. Богач наказан. В этих концовках выражались чаяния и ожидания народа, страстно мечтавшего о праве с богачами-притеснителями.¹⁷

Ярким сатирическим образом в русских народных пословицах является образ попа. В них, как и в песнях и сказках, поп рисуется жадным, сладостолюбивым и глупым.

Не случайно в пословицах и поговорках народ сравнивает попов с определенными животными: с котом, волком, клопом, петухом и др., подчеркивая хитрость, жадность, бесстолковость попов. Как известно, в народном поэтическом творчестве каждое животное является носителем определенных качеств, оно становится как бы символом этих качеств. Так, с лисой всегда

¹⁶ Кляч — шест, короткая толстая палка.

¹⁷ См., например, сказки «Два брата» (Сказки Куприянихи. Запись сказок, статья и комментарии А. М. Новиковой и И. А. Оссовецкого. Воронежское обл. книгоизд., 1937, № 34), «Про бедного и богатого» (Сказы и сказки Беломорья и Пинежья, Архангельск, стр. 126), «Петр и Петруша» (Онч., 283).

связано представление о хитреце, льстеце, хищнике, с котом — о лакомке, воре, блудне, с волком — о злом, коварном неудачнике, и т. д. Таким образом, самое сравнение человека с тем или иным животным характеризует этого человека: «Петух да поп и не едчи поет и едчи поет», «Волчья пасть да поповские глаза — ненасытная яма», «Что поп, что кот — не поворча не съест», «Попы, что клопы — попы паствятся над мертвыми, а клопы над живыми» и т. д.

Служители культа ожесточали народ, вымогая непомерную плату за требы, и брали ее не только деньгами, но и натурой (хлебом, яйцами, мясом, салом, медом, холстом, овчинами и пр.). Пословицы типа: «Есть новина,¹⁸ так попу посытай», «Лучшую мерлушки попу на опушку», «Накажет дед, как померт: без рубля поп не похоронит», «Родись, крестись, женись, умирай — за все попу деньги давай» и др. — свидетельствуют о возмущении народа вымогательствами попов.

Жадность попов народная пословица рисует в гиперболических образах. Так, в пословице «Поповское брюхо из семи овчин сшито» представление о жадности и ненасытности дается через образ гигантского мешка, сшитого из семи овчин.

Жадность к деньгам, наличие больших денег в народной фразеологии выражается образом «большой карман». Этот образ в пословице о попе заострен гиперболой: «В поповский карман с головой спрячешься». Жадность попов иллюстрируется и аналогиями: «У попа сдачи, у портного отдачи не спрашивай», «Попу да вору все впору». Жадность обычно сочетается со скучностью, и это не ускользает от народного внимания: «Любит поп блин, да ел бы один».

Часто пословица подчеркивает лицемерие «духовных пастырей», противоположность наружного, видимого и подлинного, действительного облика их: «По бороде Авраам, а по делам хам», «По бороде хоть в рай, а по делам — ай-ай!» Особенно охотно разоблачает пословица противоречие между благостным видом, смиренной повадкой и похотливыми желаниями, блудными поступками: «Четки в руке, а девки на уме», «Ты его за апостола, а он хуже кобеля пестрого», «Игумен вокруг гумен», «Аминь, аминь, а головой в овин»¹⁹ и т. п.

В числе поэтических средств сатирических пословиц о попах используется игра слов, каламбур. Монахи называются черным духовенством, чернецами, черноризцами, у них черные рясы, — и дела их зачастую бывали черные; всем этим они сближаются с чортом — тоже по народным поверьям черным изнутри и извне. И пословица использует это сближение для оценки монашеской «святости»: «Чорт под старость в монахи пошел», «Монахи да черти одной шерсти».

Как правило, в пословицах и поговорках, как и в других жанрах народной сатирической поэзии, поп высмеивается не один, а вместе с попадьей — властолюбивой, своевольной, хитрой и жадной; достается и поповым детям: «Поп как поп, да попадья лиха», «Что долго обедни нет? — Попадья не устряпалась», «Хорошо попам да поповичам, их зовут да им же и пироги дают» и пр.

Сатирические образы попа и монаха встречаются и в песнях, главным образом в песнях плясовых и щуточных, остро высмеивающих распущенность и сластолюбие духовенства. Например, о том, как служители церкви вместо того, чтобы совершать обряд, заглядывают на красную девушку,

¹⁸ Зерно нового урожая.

¹⁹ Гумна, овины, как правило, стоящие поодаль от жилья, являлись обычно в старой деревне местами тайных любовных свиданий.

рассказывается в песне Ярославской губернии «Уж как я была модненькая». Как только девушка вошла в церковь, — с попом, дьячком и поно-марем стало твориться что-то неладное:

Пономарь звонит, — мешается,
Дьякон в ризах заплетается,
Поп над книгой усмехается;
Он кадильником кадит, кадит, кадит,
Все на милую глядит, глядит, глядит.
Ах, уж ты тонкая, высокая моя,
Расстатистая, ухабистая!
(Соб., VII, 44).

Аналогична по содержанию и песня Тульской губернии. Девушка жалуется матери на ухаживания клира.

Уж ты, маменька родная,
Для чего ж меня такую родила —
Счастливую, талантливую,
Смешливую, догадливую?
Мне нельзя к обеденке,
Нельзя низко кланяться:
Все дьячки улыбаются,
А попы-то влюбляются.
Полюбил меня молоденький попок.
Подарил мне в полтора рубля платок.
Мне платок носить хочется,
А попа любить не хочется.

И дальше девушка объясняет причину своей неприязни к попу:

Оттого мне любить не хочется,
Что он по приходу волочится,
Пирогами побирается,
Блинами обжирается.
(Соб., VII, 55).

Такие песни как бы раскрывают, иллюстрируют темы уже знакомых пословиц: «Любит поп блин, да ел бы один», «Четки в руке, а девки на уме», «По бороде хоть в рай, а по делам — ай-ай!» и др.

Среди широко бытовавших в народе песен хорошо известен и другой сюжет — о том, как поп мешает счастью влюбленных, не желает венчать молодца с девушкой, исходя из корыстных целей. Выход оказывается один — задобрить попа и весь клир, откупиться.

Поп-то не венчает: за сыночка чаёт;
Да и дьякон говорит, что за сына норовит;
Дьячок тож не служит: по девушке тужит;
Пономарь горюет: сам девушку любит.
Поедемте, братцы, в лесок за охотой,
Наловимте, братцы, зверьков разных много:
Попу-то куницу, дьякону лисицу,
А дьячку-бедняку белу горностайку,
Пономарю-горюну хоть серого зайку,
Просвирне горюще хоть заячьи уши,
Чтоб они мне не мешали, с девкой обвенчали.
(Соб., VII, 47).

Это как бы прямая аналогия пословицам: «Лучшую мерлушку попу на опушку», «Родись, крестись, женись, умриай, а за все попу деньги давай», «Попу да вору все впору» и др.

Широкие возможности для раскрытия характеров героев, показа их в самых различных ситуациях представляет сказка. Поп с попадьей и по-поповыми детьми в не меньшей степени, чем барин, являются излюбленными персонажами русских сатирических сказок. Различные положения, в которых поп оказывается на протяжении сказки, всесторонне выявляют и раскрывают характерные для него и давно подмеченные народом черты: жадность, хитрость, глупость. На высмеивании этих свойств попа основаны сказки: «Поп завидны глаза»,²⁰ «Как поп теленка родил» (Онч., 142) и многие другие.

Пословица «У попа глаза завидущие, руки загребущие» является обобщающей формулой большинства сюжетов сказок о попах. Яркий образ жадного, скрупульного и глупого попа проходит и через весь цикл сказок на тему о попе и работнике.²¹

Осуждение разврата всей духовной иерархии, которое нашло место в таких пословицах, как «Согрешили попы за наши грехи», «Игумен вокруг гумен», «По бороде хоть в рай, а по делам — ай-ай!» и др., раскрывается в сказке «Любовь жены»,²² где высмеиваются поп, архиерей и патриарх, ставшиеся соблазнить жену купца, и в ряде аналогичных сказок.

Немало сказок посвящено и любовным похождениям попадьи: «Поп, попадья и дьячок» (Онч., 221), «Плотник Микула и его жена» (Онч., 101) и др.

О жизненности и типичности образов попа и попадьи в народно-поэтическом творчестве говорит и то, что аналогичные образы встречаются и в древнерусской литературе. Яркими красками рисуется жизнь пьяниц монахов в «Калязинской члобитной» (XVII век).²³

Не менее интересно в этом отношении и «Сказание о попе Саве» (середина XVII века), излагающее историю о корыстном попе-сутяге, который «по приказам волочитца, ищет, с кем бы ему потегатца».²⁴ С этим «Сказанием» несомненно связаны народные пословицы о Саве: «Был Сава — была и слава», «Сделаем славу — поколотим Саву», «Доброму Саве добрая и слава», «Каков Сава — такова ему и слава».²⁵

В плане яркой сатиры на духовенство написано и «Сказание о куре и лисице» (XVII век) — сатирический рассказ о «грешнике» — куре и «исповеднике», льстивом и корыстном попе — лисице.²⁶

Остро высмеивает попов-прелюбодеев «Повесть о Карпе Сутулове»,²⁷ по сюжету аналогичная сказке «Любовь жены».

Образ попа в народном творчестве так чеканен и расцвечен, что в представлении каждого человека, знакомого со сказками, песнями, пословицами, поговорками, он твердо закреплен. И когда загадка спрашивает: «Кто с живого и мертвого дерет?»²⁸ или «Спереди мужик, а сзади баба?» — всем ясно, что речь идет о попе.

²⁰ Сказки из разных мест Сибири. Под ред. М. К. Азадовского. Иркутск, 1928, № 9.

²¹ См. статьи о сказках в настоящем сборнике.

²² Сказки из разных мест Сибири, № 3.

²³ Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарии чл.-коор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. Академия наук СССР, М.—Л., 1954, стр. 65.

²⁴ Там же, стр. 70.

²⁵ Там же, стр. 266.

²⁶ Там же, стр. 73.

²⁷ Там же, стр. 114.

²⁸ Интересно заметить, что эта загадка прочно вошла в разговорную речь, утеряв свой первоначальный смысл. В наше время она употребляется в качестве поговорки применительно к любым лицам: «Этот человек жадный, дерет и с живого и с мертвого».

Яркость и жизненность сатирических фольклорных образов объясняется тем, что эти образы взяты из действительности, что гипербола сатиры отталкивается от реальных фактов, отбирая характерные типические черты.

Совсем иную форму приобретает насмешка, когда она обращена на отдельные человеческие недостатки. Тут уже не злая, разящая сатира, какую мы видели в пословицах, направленных против эксплуататорских классов, а тонкая ирония, юмор. Даже критика таких тяжелых пороков, какими являются с точки зрения трудового крестьянства бесхозяйственность и лень, носит более мягкий характер, чем сатира на классовых врагов.

Лени посвящено очень большое количество пословиц и поговорок. Ирония осуществляется в них обычно подстановкой антонима. Так, например, о хозяйке нерадивой, бесхозяйственной, развалившей свой дом, в народе иронически говорится: «Сколотила хозяйка домок, что не надобен и замок». Здесь «сколотила» употреблено вместо противоположного «развалила», и эта замена образно раскрывается второй частью пословицы: замок не надобен, потому что ворам нечего взять; хозяйка так «сколотила» домок, что ворам ничего ценного в нем не осталось.

Другим приемом, часто применяемым в пословицах о лени, является комический диалог: «Тит, а Тит, — иди молотить! — Живот болит! — Тит, иди кашу есть! — А где моя большая ложка?»; «Акуль, Акуль, что шьешь не оттуль? — А я, матушка, еще пороть буду»; «Лень, а лень, отвори дверь! — Хоть сгорю, да не отворю» и т. п.

С пословицами о лентяях сходны по своему характеру и сатирические пословицы о глупцах.

Ум ценится народом высоко и ставится выше физической силы. Существует много пословиц на эту тему: «И сила уму уступает», «Умный, что староста губный: всяк его боится» и другие. С понятием ума в пословице связано также понятие жизненного опыта. Но глупому и возраст не прибавляет ума. И вот в целом ряде сатирических пословиц, заключенных в форму иносказания, высказывается сожаление о том, что глупый с возрастом не умнеет: «Борода выросла, а ума не вынесла», «Под носом взошло, а в голове и не посияно», «Летами ушел, а головой не дожел», «Вырасти вырос (с лешего вырос, с осину, с оглоблю), а ума не вынес». Сатирический образ построен здесь на несоответствии возраста и умственных способностей. Во многих других пословицах о глупцах образ основан на несоответствии наружности и сущности. Таковы, например, пословицы: «Велика Федора, да дура», или иносказательно: «Велик пень, да дуплист», «Голова, что чан, а ума ни на капустный кочан», «Голова с лукошко, а мозгу ни крошки», «Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего».

Пословицы говорят и о печальных результатах, к которым приводит человека глупость: «От большого ума досталась сумма», «По твоему уму — носить суму». Здесь мы опять встречаемся с созданием образа по принципу подстановки антонима; вместо того, чтобы сказать: «От твоей большой глупости досталась тебе сумма», — в пословице говорится: «От большого ума». Среди подобных пословиц, включающих в себя антонимы, нередки афоризмы, как бы не договаривающие мысль до конца, например: «С твоим бы умом только в горохе сидеть». Пословицу эту надо, очевидно, расшифровать так: «С твоей глупостью только бы в горохе сидеть, да ворон пугать, так как ни на какую другую работу ты не способен».

Большую роль в пословицах о глупости играет сравнение. Глупец в ряде пословиц сравнивается с глупыми животными, чаще всего с птицами: «Умница, как попова (пестрая) курица», «Знать, тебя разумный индюк высыдел», «Журавли за море летают, а все одно „курлы“», «Прост, как дрозд».

Мы уже видели, что голова глупца образно сравнивается в пословицах с чаном, лукошком, пивным котлом, коробом, печным человеком. То же в поговорках: «У него одной клепки нет», «У него из голубятни голуби улетели», «У него чердак без верху: одного стропильца нет». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что предметы, которым в этих метафорах уподобляется голова глупца, взяты из крестьянского обихода. В пословицах и поговорках о глупцах широко используется метафора пустого сосуда, помещения (пустой бочки, укладки, чердака, голубятни и т. д.).

Бывают и такие случаи, когда пословицы строятся на каламбуре: «Толкто есть, да не втолкан весь», «Разошелся ум по закоулкам, а в середке ничего не осталось», «Ума много, да вон нейдет» и т. п.

Скупость и мотовство также являются объектом сатирических пословиц и поговорок. И то и другое осуждается народом. Основной прием в создании образа скupца — гипербола. Пословица говорит про скupого, что «у него среди зимы льду не выпросишь» (другими словами — не выпросишь даже и того, что не имеет никакой ценности), что он «из блохи голенища выкроит», «шилом горох хлебает, да и то отряхивает» (другими словами — скупость не дает скupцу самому есть досыта, как все люди).

Подмечая в жизни характерные внешние черты скupцов, народ обобщает их, создавая яркие образы. «Иссох, как трясца (лихорадка) над куревом», — говорят в народе о скупом. Преувеличивая, утрируя, доводя до абсурда действия скupцов, пословица тем самым создает впечатление противоестественности и отвратительности самой скупости.

Не менее острому осмейанию подвергаются в пословицах и поговорках мотовство и щегольство. Ирония в пословицах и поговорках этого типа направлена на деревенских щеголей и щеголих, которые думали только о нарядах, тратили на наряды и модные безделушки все имеющиеся у них средства, а хозяйство — основу крестьянской жизни — разоряли, приводили в полный упадок. Кроме нарядов, у щеголя не оказывалось ничего, за внешним эффектом стояла нищета: «Шапка с заломом, а в брюхе солома», «Шапка в рубль, а щи без круп», «На брюхе шелк, а в брюхе щелк» и др. Здесь — прямой укор легкомысленным щеголям и мотам, губящим свое хозяйство.

Склонность к иронии даже в самые тяжелые моменты жизни — характерная черта русского человека, способствовавшая созданию ряда пословиц, где о горе, беде говорится иронически. Например, о постигшей человека беде говорится: «Не велика беда, коли лезет в ворота». Сперва создается впечатление ничтожности, малозначимости происшедшего — «не велика беда», но вторая часть говорит об обратном: ворота ведь велики, а слово «лезет» создает впечатление, что эта беда с трудом протискивается в них, — стало быть, сама она огромна.

Много веков шутка помогала жить русскому человеку, переносить, не клоня головы, тяжесть крепостной неволи, бедность, обездоленность. Грустная ирония пронизывает большую часть пословиц и поговорок о тяжелой нищенской жизни крепостного крестьянина, позднее батрака: «Горе наше — ржаная каша, а поел бы и такой, да нет никакой», «Скотины — таракан да жуковица, медной посуды — крест да пуговица, одежды — мешок да рядно», «Семь сёл — один вол, да и тот гол», «Богат Тимошка:

живота — собака да кошка», «У него в амбаре и мыши перевелись», «Только у молодца и золотца, что пуговка оловца», «Заживно живет, и голодной собаки выманить нечем».

Если русский человек иронически относился к своему горю, то, как показывает народное творчество, он иронизировал и над своим «счастьем». Да это и понятно. Счастье — удел богатых, оно незнакомо было широким массам крестьян-бедняков, а если и выпадала на их долю светлая полоса, то недолго. Отсюда и ирония в пословицах о счастье: «Кому масленица, да сплошная, а нам вербная да страстная» (т. е. пост), — так характеризовал в пословице народ свою жизнь. «Была у двора масленица, да в избу не зашла», «Во снях счастье, а наяву ненастье», «Мужик на счастье сеял хлеб, а уродилась лебеда». Счастье наяву так же призрачно, как и во сне: «Счастье, что волк: обманет, в лес уйдет»; характерно, что счастье сравнивается с диким неуживчивым животным — волком. Как волка трудно приручить (вспомним пословицу «Как волка ни корми — все в лес глядит»), так и счастье мужику было не удержать.

Наш обзор сатирических пословиц, не исчерпывающий по охвату материала, лишь намечает основные группы сатирических пословиц, указывает на различный характер и тон сатиры в зависимости от характера обличаемого явления и некоторые наиболее распространенные приемы сатирического изображения в пословицах разного типа. Но даже из этого небольшого обзора видно, какую огромную роль играла сатира в повседневной жизни народа, являясь своеобразным, метко разящим оружием в борьбе народа со своими угнетателями, помогая бороться с недостатками человеческого характера, переносить тяжесть подневольной жизни.
